

Карен М. Макманус

Карен М. Макманус

ОДИН
ИЗ
НАС
ЛЖЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

M15

Серия «Neoclassic: расследование»

Karen M. McManus
ONE OF US IS LYING

First published in English in the US by Delacorte Press,
an imprint of Random House Children's Books,
a division of Penguin Random House LLC, New York.

Перевод с английского *М. Левина*

Стихотворение в переводе *Н.И. Сидемон-Эристави*

Дизайн обложки *В. Давлетбаевой*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental Literary Agency Limited.

В оформлении обложки используются иллюстрации
из фотобанка «Shutterstock».

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Макманус, Карен М.

M15 Один из нас лжет : [роман] / Карен М. Макманус ;
[перевод с английского М. Левина]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2022. — 352 с. — (Neoclassic: расследо-
вание).

ISBN 978-5-17-137700-7

Строгий учитель в наказание оставил пятерых старшеклассников в классе после уроков, но только четверо вышли оттуда живыми.

Пятый, Саймон, — школьный изгой, жестоко мстивший своим обидчикам в Интернете, раскрывая их самые неприглядные секреты, — был найден мертвым. Полиция не сомневается в том, что это убийство. Под подозрение попадают все, ведь у каждого есть что скрывать.

Но кто из четверых юношей и девушек — убийца?

Бронвин — круглая отличница, поступающая в «Лигу плюща»?

Эдди — первая красавица школы, блондинка из рекламы шампуня?

Нейт — юный преступник, находящийся на испытательном сроке?

Купер — восходящая звезда бейсбола с лицом и фигурой Капитана Америки, кумир девушек?

У каждого из них были свои причины избавиться от Саймона. Но кто же пошел на преступление?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Karen M. McManus, 2017

© Перевод. М. Левин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Джеку, который всегда меня смешит

Саймон говорит

ГЛАВА I

Бронвин

Понедельник, 24 сентября, 14.55

Видеозапись чьего-то секса, страх нежелательной беременности, две скандальные измены — и это новости лишь одной недели. Если о школе «Бэйвью-Хай» судить по сплетням в приложении Саймона Келлехера, то непонятно, кто и когда успевает ходить на уроки.

— Это старье, Бронвин! — слышится голос у меня за спиной. — Вот завтра будет пост — бомба.

Черт побери, терпеть не могу, когда меня ловят за чтением «Про Это», особенно когда ловит его создатель. Я убираю телефон и захлопываю шкафчик.

— Кому на этот раз будешь портить жизнь, Саймон?

Саймон догоняет меня, и мы движемся против идущего к выходу потока учеников.

— Оздоровливаю нравы, — отмахивается он. — Кстати, ты тьютор Регги Кроули? А ты знаешь, что у него в спальне стоит камера?

Я и не думаю отвечать. Чтобы я заинтересовалась тем, что происходит в спальне вечно обкуренного Регги Кроули? Скорее у Саймона появится совесть.

— Ну так знай: они направляют ее на себя. Если бы люди вдруг перестали лгать и изменять, я бы остался без дела. — Он замечает, что я ускоряю шаг. — И куда ты так рвешься? Покрыть себя внеклассной славой?

Если бы. И, будто дразня меня, на экране моего телефона появляется напоминание:

Подготовка к матбою, 15 часов, «Эпок-кофе».

За ним сообщение от подруги по команде:

Ивэн здесь.

Конечно же, он там. Похоже, этот симпатичный матбойщик (совсем не такой оксюморон, как можно бы подумать) появляется только тогда, когда я не могу.

— Не совсем, — отвечаю я.

Общее правило, которого я старательно придерживаюсь в последнее время, — давать Саймону как можно меньше информации.

Толкнув зеленую металлическую дверь, мы выходим на заднюю лестницу — разграничительную линию между трущобами старой «Бэйвью-Хай» и ее светлым и просторным новым крылом.

Каждый год новые богатые семьи вырастают из своего ценового диапазона и переезжают на пятнадцать миль восточнее в Бэйвью в расчете, что здесь их налоговые доллары обеспечат их детям школьную жизнь получше той, что разворачивается на драном линолеуме под заляпан-ными попкорном потолками.

Я дохожу до кабинета мистера Эйвери на третьем этаже, Саймон все еще идет за мной. Я поворачиваюсь, скрестив руки на груди:

— Слушай, ты ведь куда-то шел?

— Ага. Отбывать срок. Оставлен после уроков, — отвечает он и ждет, что я пойду дальше. Когда я берусь за ручку двери, он раздражается хохотом. — Да не может быть! Ты тоже, что ли? За какое преступление?

— Меня подставили, — бормочу я и распахиваю дверь.

В классе уже сидят трое, и я останавливаюсь посмотреть, кто это. Не те, кого я ожидала здесь увидеть. Кроме одного.

Нейт Маколи, ослабившись, отклоняется назад вместе со стулом.

— Не туда свернула? Тут заседают оставленные после уроков, а не школьный совет.

Да, он это место знает. Нейт не вылезает из неприятностей с пятого класса — примерно тогда мы с ним и разговаривали последний раз. Ходит слух, что он отбывает испытательный срок у полиции Бэйвью за... мало ли за что? От пьяного вождения до торговли наркотиками. Все знают, что у него всегда можно купить — впрочем, мои знания чисто теоретические.

— Воздержитесь от комментариев. — Мистер Эйвери что-то отмечает в ведомости и закрывает за Саймоном дверь.

Высокие стрельчатые окна бросают на пол солнечные треугольники, с поля за парковкой доносится неясный шум футбольной тренировки.

Я сажусь рядом с Купером Клеем. Он сминая лист бумаги в шар величиной с бейсбольный мяч, шепчет: «Эдди, внимание!» — и бросает его девушке напротив. Эдди Прентис моргает, неуверенно улыбается, и шарик падает на пол.

Стрелки часов в классной комнате ползут к трем. Я смотрю на них с беспомощным ощущением несправедливости. Мне здесь вообще не место. Сейчас я должна находиться в «Эпок-кофе» и неуклюже флиртовать с Ивэном Нейманом, заодно решая дифференциальные уравнения.

Мистер Эйвери — из тех, кто оставляет после уроков, не задавая вопросов, но, быть может, еще есть время его переубедить. Прокашлявшись, я поднимаю руку, но замечаю, как Нейт ухмыляется.

— Мистер Эйвери, это не мой телефон вы нашли. Я не знаю, кто положил его мне в рюкзак. Мой вот. — Я трясу своим айфоном в полосатом, как дыня, футляре.

Честно говоря, надо быть полным идиотом, чтобы принести на урок мистера Эйвери телефон. Он убежденный противник всяких гаджетов и первые десять минут каж-

дого урока посвящает перетряхиванию рюкзаков, будто он начальник службы безопасности аэропорта, а мы — в списке подозрительных личностей. Мой телефон лежал у меня в шкафчике, как всегда.

— И у тебя? — Эдди так быстро оборачивается ко мне, что ее светлые волосы — живая реклама шампуня — завораиваются вокруг плеч. Чтобы она оказалась здесь одна, ее надо было хирургически отделить от ее бойфренда. — И у меня оказался не мой телефон.

— И у меня тоже, — раздается голос Купера с южным акцентом.

Они с Эдди обмениваются удивленными взглядами, и мне кажется странным, что для них стало новостью нахождение в одной компании. Видимо, у суперпопулярных людей есть занятия получше, чем обсуждать несправедливое наказание.

— Кто-то нас подставил! — Саймон наклоняется вперед, опираясь локтями о стол, будто в нем взведена пружина, готовая выбросить свежую сплетню. Он оглядывает нас, сбившихся в кучку в пустом классе, потом задерживает взгляд на Нейте. — Зачем кому-то надо было оставлять после уроков учеников с абсолютно чистыми личными делами? Как будто, ну не знаю... кто-нибудь, кто постоянно тут торчит, решил пошутить.

Я смотрю на Нейта, но не могу в это поверить. Подстроить задержание — это все-таки работа, а в Нейте все — от спутанных темных волос до жуткого кожаного пиджака — просто кричит: «Не трогайте меня!» Или не кричит, а зевает.

Мы встречаемся взглядами, но он не произносит ни слова, лишь еще больше отклоняется назад вместе со стулом. Еще полдюйма — и он опрокинется.

Купер садится прямее. У него сейчас лицо прямо как у Капитана Америки. Он хмурится.

— Пойдите. Я думал, что это путаница, но если одно и то же случилось со всеми нами, то это чье-то дурацкое

представление о розыгрыше. А я из-за этого *тренировку по бейсболу* пропускаю. — С такими интонациями мог бы говорить кардиохирург, которого не пускают в операционную спасти больного.

Мистер Эйвери закатывает глаза.

— Конспирологию оставьте для других учителей, со мной не пройдет. Всем вам известно правило, запрещающее наличие телефонов во время урока, и вы его нарушили. — Особенно едкий взгляд достается Саймону.

Учителя знают о существовании «Про Это», но мало что могут сделать. Саймон обозначает своих героев только инициалами и никогда не говорит о школе открыто.

— Теперь внимание! Вы пробудете здесь до четырех. Каждый из вас должен написать эссе на пятьсот слов о том, как технологии разрушают американское школьное образование. Всякий, кто этого не сделает, завтра опять будет оставлен после уроков.

— А на чем писать? — спрашивает Эдди. — Тут же нет компьютеров.

В классах обычно стоят «Хромбуки», но мистер Эйвери, которому надо было бы уйти на пенсию еще лет десять назад, у себя такого не допускает. Он подходит к столу Эдди и похлопывает по углу линованного желтого блокнота. Такие же лежат перед каждым из нас.

— Овладейте магией ручного письма, — говорит он. — Есть такое утраченное искусство.

Хорошенькое личико Эдди превращается в маску непонимания.

— Но как мы узнаем, что уже написали пятьсот слов?

— Посчитаете, — отвечает мистер Эйвери и переводит глаза на телефон, который я держу в руках. — А это отдайте мне, мисс Рохас.

— Может быть, вы секунду подумаете, прежде чем конфисковать мой телефон *дважды*? Кто носит с собой два телефона? — возмущаюсь я.

Нейт усмехается, но так мимолетно, что я едва успеваю это заметить.

— Серьезно, мистер Эйвери, кто-то нас подставил.

Белоснежные усы мистера Эйвери шевелятся в досаде, он протягивает руку и нетерпеливо перебирает пальцами:

— *Ваш телефон*, мисс Рохас. Если не хотите прийти еще раз.

Я вздыхаю и отдаю телефон, а мистер Эйвери неодобрительно смотрит на остальных:

— Все ваши телефоны лежат у меня в столе. Когда кончится срок пребывания, вы их получите.

Эдди и Купер с усмешкой переглядываются — их телефоны наверняка спокойно лежат у них в рюкзаках.

Мистер Эйвери кидает мой телефон в ящик, садится за учительский стол и открывает книгу, собираясь в течение следующего часа нас игнорировать. Я достаю ручку, постукиваю ею по желтому блокноту и думаю над заданием. Действительно ли мистер Эйвери считает, что техника разрушает систему образования? Очень уж сильное заявление из-за нескольких отобранных телефонов. Может, это ловушка и он ждет от нас возражений, а не согласия?

Я смотрю на Нейта. Он согнулся над блокнотом и пишет в нем печатными буквами: «Компьютеры высасывают», повторяя эту фразу раз за разом.

Возможно, я слишком серьезно подхожу к этому вопросу.

Купер

Понедельник, 24 сентября, 15.05

Рука начинает болеть уже через пару минут. Стыдно, конечно, но я не могу припомнить, когда в последний раз что-то писал от руки. К тому же я работаю правой, что для меня все еще непривычно, сколько бы лет я это ни делал. Отец еще во втором классе, увидев мою подачу, настоял, чтобы я научился писать пра-

вой рукой. «Левая у тебя золотая, — сказал он мне. — И не трать ее на всякую ненужную ерунду». Ерунда с его точки зрения — все, что не связано с бейсболом.

Вот тогда он и стал называть меня Куперстауном — как бейсбольный зал славы. Нет ничего приятнее, чем слегка надавить на восьмилетнего ребенка.

Саймон тянется к рюкзаку и начинает в нем копать, открывая все отделы. Ставит его себе на колени и тарашится внутрь.

— Куда, к черту, делась моя бутылка с водой?

— Не разговаривать, мистер Келлехер, — говорит мистер Эйвери не глядя.

— Я знаю, но... у меня вода пропала. А я пить хочу.

Мистер Эйвери показывает на раковину в конце класса. Полка возле нее загромождена мензурками и чашками Петри.

— Налейте себе воды. *Без шума.*

Саймон встает, берет с полки чашку и наполняет ее водой из-под крана. Потом направляется к своему месту и ставит чашку на стол, но тут его внимание привлекает методическое письмо Нейта.

— Слышь, чувак, — произносит он, толкнув кроссовкой ножку стола, — давай серьезно. Это ты положил нам в рюкзаки телефоны, чтобы нас подставить?

Мистер Эйвери поднимает недовольный взгляд.

— Я сказал: «без разговоров», мистер Келлехер.

Нейт выпрямляется, откидываясь на спинку стула, и складывает руки на груди.

— На фига это мне?

Саймон пожимает плечами:

— А на фига ты вообще все делаешь? Хочешь, чтобы у тебя была компания по отсидке за то, что ты сегодня наворотил?

— Еще одно слово от любого из вас — и останетесь после уроков завтра, — предупреждает мистер Эйвери.

Саймон все же открывает рот, но не успевает ничего сказать: слышится визг шин, потом звук столкновения автомобилей.

Эдди ахает, я падаю на стол, будто кто-то врезался в меня сзади. Нейт, радуясь перерыву, первый вскакивает и бросается к окну.

— Что за идиоты? Так поцеловаться на школьной парковке! — кричит он.

Бронвин смотрит на мистера Эйвери, будто спрашивая разрешения, и, когда тот встает из-за стола, тоже идет к окну. Я прислоняюсь к выступу, чтобы выглянуть наружу, и рядом со мной возникает Саймон, презрительно смеясь при виде произошедшей внизу сцены.

Две машины — старая красная и незаметная серая — столкнулись под прямым углом. Мы все палимся молча, и наконец мистер Эйвери издает усталый вздох.

— Мне надо пойти проверить, не пострадал ли кто. — Он обводит нас взглядом и останавливается на Бронвин как на наиболее ответственной. — Мисс Рокас, проследите за порядком, пока я не вернусь.

— О'кей, — отвечает Бронвин, бросив беспокойный взгляд в сторону Нейта.

Мы все остаемся у окна, но не успевает мистер Эйвери или кто-нибудь из учителей выйти из здания, как обе машины заводят моторы и уезжают со стоянки.

— Ну вот, обломали, — говорит Саймон. Он идет к своему столу и берет чашку, но не садится, а выходит к доске, рассматривая Периодическую таблицу элементов. Выглядывает в коридор, будто хочет выйти, но потом поворачивается и поднимает чашку, словно собираясь произнести тост. — Никто больше воды не хочет?

— Я хочу, — отвечает Эдди, опускаясь на свое место.

— Сама возьмешь, принцесса, — ухмыляется Саймон.

Эдди закатывает глаза и остается сидеть, а Саймон прислоняется к столу мистера Эйвери.

— Ведь и правда же принцесса? И куда тебе деваться, если бал встречи с выпускниками закончен, а до выпускного бала еще дожить надо?

Эдди смотрит на меня, не отвечая. Я ее понимаю. Ход мысли Саймона почти никогда ни к чему хорошему не приводит, если дело касается наших друзей. Он ведет себя так, будто его совершенно не интересует мнение о нем других учеников, но весной на балу предвыпускного класса он таки попал в члены королевского двора. Я не знаю, как ему это удалось — разве что он покупал голоса в обмен на сохранение тайны.

Однако неделю назад на балу встречи с выпускниками Саймона среди придворных не оказалось. Королем выбрали меня, так что, может, я следующий, кого он будет доставать.

— Ты это к чему, Саймон? — спрашиваю я, садясь рядом с Эдди. Мы с ней не близкие друзья, но я почему-то чувствую необходимость ее защитить. Она с девятого класса встречается с моим лучшим другом и вообще приятная девушка. И не из тех, кто умеет противостоять типам вроде Саймона, которые просто так не отстанут.

— Она — принцесса, ты — спортсмен, — говорит он, потом указывает кивком в сторону Бронвин и Нейта. — А ты — вундеркинд-зубрила. А ты — хулиган. Вы все — ходячие стереотипы из фильмов для подростков.

— А ты? — интересуется Бронвин.

Она стояла возле окна, но сейчас подходит к своему столу, садится на него, закидывает ногу на ногу и перебрасывает через плечо хвост. Как-то посимпатичнее она стала в этом году. Новые очки, что ли? Или волосы длиннее? Она вдруг перешла в режим секси-зубрилы.

— Я всеведущий повествователь, — отвечает Саймон.

У Бронвин брови поднимаются над черной оправой очков.

— Такого в подростковых фильмах не бывает.